

Министерство образования Российской Федерации
Томский государственный университет

Томская горнодобывающая компания

ПЕТРОЛОГИЯ МАГМАТИЧЕСКИХ И МЕТАМОРФИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ

Выпуск 2

*Материалы научной конференции,
посвященной 80-летию со дня рождения
профессора Михаила Петровича Кортусова*

Томск, 28-30 ноября 2001 года

Томск 2001

Следующий этап моего знакомства с М.П.Кортусовым приходится на вторую половину 50-х годов, когда в Кузнецком Алатау, в Мариинской тайге, Западно-Сибирское геологическое управление начало проводить широкомасштабные работы по поиску богатых нефелиновых руд. На эти исследования были приглашены профессор Баженов И.К. и доцент Кортусов М.П. Итак, с 1956 года я стал бессменным помощником М.П.Кортусова в полевых и камеральных работах вплоть до 1963 года. Я получил очень богатую практику, благодаря уникальному опыту М.П.Кортусова в полевых исследованиях. Приходилось учиться всему – от выбора места лагеря, его обустройству, разжигания костра в любую погоду, умению обращаться с лошадьми, собирать и крепить вьюки на кавалерийских седлах и т.д. Особенно мне запомнились работы по оформлению лагерной стоянки. После установки палаток мы шли заготавливать в больших количествах пихтовую лапку, которую укладывали в них толстым слоем в определенном порядке. Когда я спрашивал Михаила Петровича зачем такие большие количества хвойного материала, он отвечал - чтобы не простудиться, не заболеть. Позднее я оценил всю глубину этого ответа, ибо ночи в Мартайге уже в августе довольно холодные, вплоть до заморсков и выпадения снега.

Каждое утро, в 6-7 часов, Михаил Петрович уже был на ногах, разжигал костер и ставил на него ведро с водой. Потом начинал будить всех подряд, готовиться к завтраку и маршрутам. Надо сказать, что скидки на погоду он делал редко (при сильном дожде). Сачковать все равно не приходилось, ибо давалось задание по приведению в порядок коллекций и дневниковых записей.

Благодаря экспедициям с М.П.Кортусовым я основательно познакомился с геологией региона, в итоге было опубликовано ряд статей, часть которых вместе с другими авторами вошли в тематический сборник "Нефелиновые породы Кузнецкого Алатау", вышедшей в центральном союзном издательстве в г.Москве под редакцией проф. Баженова И.К. в 1963 г.

По полученным материалам в феврале 1968 г. М.П.Кортусов успешно защитил докторскую диссертацию, а месяцем позже я защитил свою кандидатскую работу.

Кроме научной, производственной сферы я постоянно общался с М.П.Кортусовым в неофициальной обстановке. Мы дружила семьями, отмечали вместе семейные и общегосударственные праздники, долгое время по воскресным дням совершали многочасовые лыжные прогулки в окрестностях г.Томска. Хочу отметить еще одну сторону характера М.П.Кортусова. Он всегда с большим радушием и гостеприимством встречал приезжавших в университет выпускников факультета, помнил их фамилии и имена, играл первую скрипку на официальных и неофициальных контактах с ними. Он был признанный и бессменный тамада на разного рода неформальных мероприятиях факультетского коллектива.

И вот наступил сентябрь 1986 года. В г. Новосибирске проводилось очередное Всесоюзное петрографическое совещание. До его начала были организованы ряд экскурсий, в том числе и в Горный Алтай, где Михаил Петрович давно хотел побывать. Экскурсия длилась неделю, прошла успешно, все были очень довольны. Но, после нее Михаил Петрович стал чувствовать недомогание, которое не проходило и по возвращению в Томск. Он до самого последнего времени считал, что виновата простуда, от которой его даже начинали лечить в элитной поликлинике. Однако оказалось все значительно сложнее. В декабре 1986 г. жена Михаила Петровича пригласила к себе домой всех сотрудников кафедры на ужин. Михаил Петрович выглядел почти нормально, даже шутил в обычной своей манере. Он уверен был в полном выздоровлении и готовился приступить к работе с нового, 1987 года.

24 января 1987 года в первой половине дня мы по телефону получили известие, что Михаил Петрович скоропостижно скончался. Для кафедры, факультета и университета это было тяжелой утратой.

Геологи Мартайгинской экспедиции организовали доставку в Томск большого монолита Кия-Шалтырского уррита, поискам и изучению которого Михаил Петрович посвятил значительный период в своих исследованиях. Сейчас этот камень стоит на могиле профессора М.П.Кортусова.

Известный томский художник Ламанов Г.М. по заказу университета написал очень выразительный портрет М.П.Кортусова, который висит на кафедре. Каждый раз, приходя на работу, мы глядим на него и мысленно произносим: "Здравствуй профессор, мы продолжаем начатое тобою дело".

О роли Михаила Петровича Кортусова в моей судьбе

В.П. ПАРНАЧЕВ

Томский государственный университет, г. Томск

С Михаилом Петровичем Кортусовым мне пришлось познакомиться в 1957 году при поступлении на учебу на геолого-географический факультет Том-

ского государственного университета. М.П. Кортусов, тогда еще доцент, был деканом факультета и занимался зачислением абитуриентов, успешно сдав-

ших вступительные экзамены, на первый курс. Нужно отметить, что среди последних был и я, но председатель приёмной комиссии университета в последний момент "усмотрел" в медицинской справке данные о моем плохом зрении и не счел возможным представить меня к зачислению. "Бывалые" студенты посоветовали мне обратиться к декану факультета – "он человек с пониманием, авось поможет". И вот, с внутренней дрожью зайдя в деканат, я и увидел своего будущего наставника.

Первым делом, просмотрев в экзаменационном листе мои оценки, Михаил Петрович спросил: "А в чем дело? По конкурсу Вы проходите". Я ответил ему, что моей фамилии нет в списке зачисленных, так как приемная комиссия, не обратив внимание на огрехи в моем зрении при приёме документов, после успешной сдачи всех экзаменов отказала мне в зачислении. Тогда Михаил Петрович просмотрел мою медицинскую справку и сказал, что в принципе решение приемной комиссии правильное, так как геологу необходимо острое зрение в связи со специфической деятельностью – это и работа с оптическими приборами, необходимость четко различать тонкие оттенки в окраске пород и минералов, умение ориентироваться на местности в сложных горно-таежных условиях.

Но в моей биографии был ряд моментов, которые я решил использовать в разговоре с деканом. Во-первых, я был сибиряком по рождению, выросшим в сельской местности в северном районе Омской области, и все свободное от школьных занятий время посвящал охоте и рыбалке, то есть хорошо был знаком с таежным образом жизни. И наконец, был хорошо подготовленным спортсменом – легкоатлетом-разрядником. Думаю, что последнее сыграло решающую роль в разговоре с деканом. Его положительное решение сопровождалось словами: "Ну, ладно, парень, я тебя зачисляю в студенты, но ты на меня потом, когда окончательно испортишь свое зрение, не обижайся". Так я стал студентом-геологом, впоследствии научным сотрудником и преподавателем университета.

Будучи студентом, я слушал блестящие лекции Михаила Петровича, потом он стал руководителем моей дипломной работы, а затем – и кандидатской диссертации.

По ряду причин, главным образом по хорошо известной всем в 1960-70-ые годы жилищной неустраиваемости сотрудников университета, я, уже будучи кандидатом наук, перешел на работу в Ильменский государственный заповедник Уральского отделения АН СССР в г. Миассе Челябинской области. Там я прошел все ступеньки карьеры от старшего научного сотрудника до директора заповедника.

И вот новая встреча с М.П. Кортусовым в Ленинграде в 1981 г. на Всесоюзном петрографическом

совещании. После моего выступления на совещании, сидя в гостинице "за чашкой чая", Михаил Петрович обратился ко мне со словами: "За твоими успехами внимательно слежу. Вижу, что ты готов представлять к защите докторскую диссертацию. Когда защита? И не пора ли подумать о возвращении в Томск?" Я замолчал, так как только что для меня организовали лабораторию по изучению на Урале древних рифейских толщ, которые в СССР были признаны эталонными.

Следующая встреча с М.П. Кортусовым произошла в Академгородке в г. Новосибирске в 1986 году на очередном Всесоюзном петрографическом совещании, где я, будучи уже директором Ильменского заповедника, делал доклад от имени ученых-геологов Южного Урала по проблемам древнего вулканизма. Это было в сентябре, и мы большой компанией – томичи, уральцы, новокузнецкие, новосибирцы, ленинградцы и другие – отмечали в гостинице 65-летие Михаила Петровича. Шутили, смеялись, выступали с виршами, посвященными имениннику. Но в отличие от обычного поведения, Михаил Петрович был молчалив, подавлен. Как оказалось, он уже был серьезно болен. Но наш разговор с ним вновь состоялся. По его мнению, я уже "готовый" доктор и пора мне серьезно подумать о возвращении в "альма-матер". И еще он попросил меня быть официальным оппонентом на защите кандидатской диссертации его очередного аспиранта С.М. Борисова, которого я хорошо помнил, так как в мою бытность ассистентом обучал его составлению геологических карт. Оппонировать я согласился, поскольку это был еще один повод побывать в Томске и повстречаться со своими друзьями.

В конце декабря успешно прошла защита диссертации С.М. Борисова, но к моему удивлению его руководитель М.П. Кортусов на защите отсутствовал. На мои вопросы о причинах отсутствия никто внятно не ответил, но сказали, что Михаил Петрович очень хочет меня видеть у себя на квартире на следующий день. Эта встреча состоялась и, несмотря на болезненное состояние хозяина, продолжалась более двух часов. Уже пришел врач, нужно было делать уколы, и я неоднократно откланивался, но Михаил Петрович все удерживал меня. Шел разговор о моей работе, о проблеме старения профессоров на факультете, о необходимости моего возвращения в Томск. На сей раз я обещал подумать. Не ожидал я, что это был мой последний разговор с моим учителем. Буквально через месяц, в конце января 1987 года я получил телеграмму о кончине Михаила Петровича. А в апреле 1989 года, будучи уже доктором наук, вернулся в Томский госуниверситет в связи с избранием по конкурсу заведующим кафедры динамической геологии.